

Тайный отсыл к сексуальному плодородию в элементах образности, сохранившихся в старых словах разных языков

Аннотация

В данной статье на основе родственных корней «пас, пах, пак, пач, паш» рассматривается образная связь значений многих слов человеческого лексикона с темой плодородия как необходимого условия выживания человеческого рода

В силу того, что один из элементов такого плодородия, относящийся к сохранению и умножению числа работников, необходимых для повсеместного в давние времена тяжелого физического труда, был связан с табуированной темой полового акта, многие относящиеся к этой теме слова были прикрыты разного рода эвфемизмами и ассоциациями, которые при внимательном рассмотрении соединяются в некий единый образ или тождественные образы, приоткрывающие их исходный смысл.

1

Если рассматривать сочетания санскр. слов *rāṣāṇa* — камень и *rāśa* — узы, путы, *aśan* — камень, небосвод и *āśā* — пространство, область, желание, надежда с добавочными *apa* — подбрасывать, подниматься и *ap* — двигаться, существовать, дышать, звучать, прочный, крепкий, здоровый, а также *raś* — наблюдать, замечать, удостоверить и *pa* — знание, решение, то их весьма несходящиеся на первый взгляд значения с помощью ассоциации позволяют создать образ камня, с силой брошенного в небо (*as* — метать, бросать), который, все-таки, имеет ограниченную область полета из-за влияния на него неких пут или на современном языке силы притяжения, что соответствует санскр. *āsa* — близость, соседство, имеющему свойство пространственного ограничения.

В принципе на этот же образ играют и значения санскр. слов *aśrī* — край и *anta* — предел, граница, где начальные элементы *aś* — достигать и *ap* — двигаться при их соединении образуют слово *aśan* — камень, небосвод, при том что конечные элементы *ta* — пересекать и *ri* — отделять укладываются в слово *tari* — корабль, судно, лодка с учетом того, что морские суда каждый раз уходят за линию горизонта, разделяющую мир видимый и мир невидимый.

Помимо этого в слове *tari* мог быть заложен смысл отделения моря от суши, когда взойдя на корабль человек становился принадлежащим уже другому миру, да и сама конструкция корабля предполагала заключение человека в некую сакральную «утробу» благодаря взаимодействию плоской палубы и наклонного бортового ограждения, которые воспринимались как женский и мужской символы.

Дополнительные *tara* — преодолевающий и *tāra* — проникающий опять же рисуют образ проникновения через некую границу, разделяющую сакральные миры, что равнозначно проникновению светлого мужского начала в темное женское лоно или моменту соединения дня с ночью, а заходящего солнца с землей или водой, которые ограничены линией горизонта. При этом моменты рождения ребенка и восхождения солнца или появления корабля на горизонте также вписываются в эту ситуацию перехода, но уже из темного скрытого мира в мир светлый и явственный.

Помимо этого есть и третья, чрезвычайно важная для человечества граница, — это период наибольшей работоспособности человеческого организма, совпадающий с периодом нахождения солнца в зените, что можно отождествить со значениями фонетически и образно тождественных санскр. слов *rāka* — очень молодой, необученный, простой, — то есть юнец, которому еще предстоит познать темные для него стороны взрослой жизни, — и *rāka* — созревание, зрелость, полное развитие, обработка жаром, кипячение, приготовление пищи с их аналогом *ras* — развиваться, возрастать, созревать, превращаться, усваивать, переваривать, готовить пищу, которые можно воспринять и как деятельность вошедшего в силу солнца, способствующая созреванию колосьев в поле, и как деятельность прошедшего инициацию, то есть обучение, любвеобильного молодого человека, «жарящего» податливую девушку согласно русск. жаргонному слову «жарить» — совершать половой акт в активной роли.

В таком случае смысл «приготовления пищи» может также совпасть как со смыслом женской утробы, готовящей «пищу»-ребенка для безжалостного времени, так и со смыслом выражения «материнский рот», относящегося к женскому паху (санскр. upastha), который принимает мужское семя, в то время как утроба, будучи природной «печью», обрабатывает его и выпекает младенца. Дополнительные смыслы в этот образ привносит находящийся в слове upastha — лоно, надежное место, укрытие, половые органы элемент upas, родственный санскр. слову upās — ждать, наносить визит, поклоняться, прислуживать, стараться, почитать, праздновать, где присутствует образ страстного ожидания рождения потомства, неразрывно связанный с процессом такого же страстного «визита» по своей сути «верховного» мужского органа, который, тем не менее, поклоняется нижележащему «предмету» своего обожания.

Поэтому в качестве одного из смежных образов в слове aśan — камень, небосвод с его аналогом rāṣāṇa — камень мог быть запятан образ с грохотом упавшего с неба огненного метеорита, похожего на молнию, что подтверждает сопоставление этих слов с санскр. aśanā — стрела, метательный снаряд и aśanī — молния, чьи элементы могут быть связаны с санскр. словами āśā — сторона света, пространство, область, an — двигаться, звучать и nī — направление вниз, причем значения «сторона света, пространство» предполагают в себе признаки хорошо определяемого явления, каким может быть, например, огненный след молнии или падающего метеорита, расширяющий со стороны падения перспективу ночного пространства. В качестве косвенного подтверждения можно предоставить санскр. слова bhāsa — блеск, свет и āsa — пепел, где элемент āsa может иметь не случайное сходство с элементом āśā — сторона света, пространство, — то есть область, ограниченная моментами разжигания и затем потухания небесного света, которая ассоциативно связана с процессом полового акта.

Дополнительно можно указать на связь слова aśanī — молния с санскр. śanī — планета Сатурн (от латин. satus — начало, посев), которая получила свое название в честь древнеримского бога земли и посевов, что указывает на связь образа весеннего начала гроз с началом посева земли и одновременно с началом течения обильной спермы у созревшего для деторождения и поэтому нередко буйного подростка.

В качестве подтверждения можно сравнить латин. satus — начало, посев с санскр. śāta — счастье, радость, острота и śāṭa — набедренная повязка, что можно воспринимать как указание на половые органы, в то время как санскр. śukra — пылающий, ясный, огонь, вода, сперма и retas — струя, поток, сперма соединяют вместе образы полового акта и грозы.

То же самое подтверждает и родственное слову śanī — планета Сатурн санскр. слово śāṇa — конопля, точильный камень, обладающее сексуальными значениями, потому как точильный камень сам по себе образно указывает на любовное «трение», а конопля в мифологии имеет продуцирующую функцию.

Поэтому невесте в прошлые времена клали семена конопли за пояс, а новорожденного перевязывали женской особью конопли с семенами.

2

Траектория движения камня, летящего вверх, состоит из поднятия с последующим падением и может описываться еврейск. словом rasah со значениями «распространяться, перепрыгивать, пересекать, опускаться», что образно соответствует перепрыгиванию через некое препятствие с исключением возможности дальнейшего движения вверх и по своей сути тождественно силе притяжения, которая позволяет камню двигаться лишь до определенной границы, в еврейск. языке описываемой словом ras — конец, край, оконечность, в которой он на мгновение как бы «зависает» в воздухе, что, между прочим, соответствует русск. слову «пас», используемому в картежных играх, где оно означает временную приостановку участия в игре. Видимо слово «пас» в этом значении может соответствовать санскр. ras — привязывать, задерживать, ограничивать и прототунгусо-маньч. rasī — повисать, что можно сравнить с движением руки с картой, которая поднимается, зависает и затем опускается вниз.

Более того такая траектория движения, связанная с кардинальным поворотом движущегося камня, укладывается в образ изгиба, который совершает, например, перемещающееся по небу солнце (санскр. bha — солнце, светило), что согласуется с евр. словами пахь — петля или rach — сеть, силок, а также с санскр. rāśa — узы, путы и bhāsa — блеск, свет, к чему можно добавить перс. рах — грань, скос и ras — тыльная сторона, pase — двигаться за, что, в частности, можно отнести не только к солнцу, которое после нахождения в зените спускается и уходит за горизонт

(paṣṭi – низкое место, низина), но и к потомку, находящемуся за спиной уходящего или ушедшего предка, на что указывает слегка измененное перс. pos – мальчик, сын, а также марийск. паса- >поша- - размножаться и хант. пах — мальчик, потому как девочка передается в другой род.

При этом значения шорск. пош — свободный, вольный, порожний, пустой можно связать, скорее всего, с «ветром в голове» у повзрослевшего, но еще не женатого, подростка, а не с отсутствием у него сексуальных сил, потому как значения родственных шорск. слов паш — передняя часть, исток, верховье, вершина, голова, глава, пастыр — взвешивать, обрастать и постаң — взрослый, холостой относятся именно к этому возрасту, когда с появлением волос на лобке у молодого человека возникает отчетливое стремление к самостоятельности.

Тем не менее сближение слов холостой — неженатый и выхолостить — кастрировать вовсе не случайно, потому как использование мужских семян без пользы для своего рода в результате «гулянья» на стороне приравнивалось к отсутствию репродукционной функции у человека

Очевидно, что время весеннего «буйства» природы и время подросткового буйства подросших и загулявших отроков, образно связанные со временем нахождения солнца в зените, можно также отождествить с моментом, в который брошенный камень, - словно отбившийся от рук ребенок, - меняет свое направление, - то есть с крайней точкой изгиба петли, которая определяется еврейск. словом pas – конец, край, окончательность.

Именно в этот период человеческой жизни молодежь пересекает сакральную границу и затем существует или зависает в некоем временном пространстве, наполненном дикой сексуальной энергией, которую в прошлые времена опытные жрецы старались направить в цивилизационное русло.

Естественно, что слово pas – конец, край, окончательность можно также применить к началу и концу человеческой жизни, что позволяет увидеть за ним подобие Троицы: начало — ребенок (сын), сексуальная жизнь — дух (сравните: вдуть — совершить половой акт в активной роде), конец — уход в вечность или в «деды» (англ. dead – терять силы, умирать), что можно применить и к образу потерявшего былую сексуальную мощь отца.

Но в то же время русск. слово «пора», знаменующее собой крайне важный отрезок времени в человеческой жизни никак не могло относиться к периоду беспомощного детства, на что указывает родственное др.-гр. слово ὥρα — промежуток времени, пора, продолжительность, весна, цветущий возраст, расцвет жизни, благоприятный момент, короткое время, погода, сбор урожая, смертный час, потому что ребенок в качестве «темного» по своей сути посланца иного мира, из которого неизвестно что вырастет, должен был дожидаться момента успешного прохождения инициации, что позволяло ему стать полноценным человеком в сакральном смысле этого слова.

Поэтому цветами жизни когда-то могли называть юношей и девушек предбрачного периода, которым суждено было на короткий период расцвести, дожидаться урожая в виде собственных детей, а затем опять же в виде беспомощных существ отойти в мир иной, - то есть вернуться в свой первоначальный «дом»

Если же при этом сравнить санскр. слова rāśa — узы, путы и bhāsa — блеск, свет, то соединение их значений дает нам также образы бус, ожерелья, браслета и свадебного кольца, которые сродни узде, надетой на шею прирученного животного, за чем стоит смысл включения в некое чрезвычайно привлекательное сообщество, ограниченное сакральным кругом.

Поэтому конская упряжь в прошлые времена обязательно украшалась различными декоративными элементами, соответствующими русск. слову баской (ненец. паской) — красивый, приятный для глаза, которое можно сравнить с санскр. bhās — блеск, свет, сверкать, сиять.

К этим словам можно добавить русск. диалектное пахать — полыхать (об огне), указывающее не только на небесный огонь, но и подспудно на «огонь», разгорающийся в молодом организме при половом созревании, что позволяет сопоставить санскр. bhā — появляться, светить и baṇu — обильный, достаточный с санскр. pha – очевидный, явный, увеличение, разбухание, истечение, пыл, расщелина, выгода и др.-гр. πῆχυς — толстый, крепкий, плодородный, раздутый, богатый, откуда «вытекает» сопоставление русск. слова «пах» - детородный орган и диалектного пах — печь не только с санскр. baṇu — обильный, достаточный и bah (vah) - жениться, покрывать, рассеивать, но и с санскр. bha — светило, солнце, которое покрывает землю своей светоносной

«спермой».

Поэтому в случае сравнения еврейск. слов *pasah* — распространяться, перепрыгивать, пересекать, опускаться и *pas* — конец, край, окончательность элемент *ah* можно сопоставить с евр. *a-hav* — прекрасный, желанный, востребованный и *a-hal* — раскинувшийся, дающий свет, что можно отнести и к солнцу, и к созревшему в своем развитии подростку мужского пола, то есть светлому мужскому началу в отличие от женского темного, в то время как евр. *a-hah*, которое тождественно русскому эмоциональному *ах! тпру! увы!*, в данном случае характеризует предел высоты поднятия прекрасного в своей сущности солнца, за которым на исходе дня следует грустное падение отгорающего «праха» в потустороннюю бездну, скрытую под горизонтом, что, между прочим, соответствует санскр. словам *aha* — день, и *hā* — идти, доставать, прыгать на, оставлять, покидать, предавать, а в заключительной части санскр. слову *sarad* — пребывающий в печали, так как запад всегда ассоциировался с умиранием жизненных сил и местом обитания дьявола.

Параллельно здесь может быть скрыта отсылка к мужскому началу (паху), который всходя над женским лоном раз за разом падает в этот «материнский рот» подобно жертвенной пище (санскр. *hi* — приносить жертву, жертвовать), чтобы затем ослабеть и превратиться в тот самый прах, исполнив свое предназначение.

Поэтому элемент *hi* может иметь отношение к нашему общеизвестному слову, обозначающему мужской половой орган.

Есть здесь и весьма неприятный намек, связанный с безбрачием или утратой возможности родить ребенка, что в мифологическом сознании отождествлялось с отсутствием хорошего урожая, а в русском лексиконе может быть связано с невесть откуда взятым словом хана — конец всему, которое имеет санскритский аналог *hāna* — оставление, отказ, исчезновение, в то время как северно-двин. *ханá* — лафа, счастье и ярославск. *хана* — нарядная деревенская девочка, женщина, а также татар. *хани* — миловидная, симпатичная, приятная, образно связаны с араб. *hanīa* - радоваться, быть довольным и санскр. *kanā* — девочка, девушка, *hanu* — распутная женщина, проститутка, которая применительно, например, к образу куртизанки могла быть и приятной, и образованной, и воспитанной,

Любопытно, что с еврейск. словом *pasah* — распространяться, перепрыгивать, пересекать, опускаться можно сравнить слова *pasay* — проходить, переходить, миновать и *pasana* — этап, стадия, временной путь из индейск. языка кечуа.

Более того в этом индейск. языке есть слово *rascha*, обладающее значениями «время, сезон, срок», «место, пространство, зазор, просвет» и «мир, свет, земля, люди», которые хорошо укладываются в картину раскрывающегося с восходом солнца пространства, где есть место даже значениям евр. *rasch* — сеть, силок и индейск. *rasí* — слегка обожженный, потому как влюбленное в землю солнце покрывает ее сетью своих теплых солнечных лучей и покрывает загаром человеческое тело и «тело» земли.

Дополнительные индейск. слова *raschan* — как и раньше, одинаково и *rascha-aysa* — тяжесть, важность, серьезность, притяжение, в котором элемент *aysa* означает «сползать, обрушиваться», придают дополнительные краски этой извечной и чрезвычайно важной для мира картине солнечного дня, заканчивающейся жертвенной «смертью» рухнувшего в небытие солнца.

Этим фактом подтверждается предположение о том, что за образом поднявшегося в небо и затем упавшего камня может быть запятан образ нашего дневного светила, которое как бы «пасуется» востоком в сторону запада, что можно согласовать с англ. *pass* [pɑ:s] — идти, проходить мимо (относительно смотрящего), переправляться, исчезать, перевал, проход, а также с евр. *pasa^h* - распространять и *paʕ* — перевал, проход, что определяет образ дуги, по которой движется переваливающее через зенит солнце, которое в конце своего дневного пути истощенным уходит под горизонт, на что указывают евр. *pa-sa* — пройти сквозь, разоренный, расходуемый, поглощаемый и *pa-sas* — уменьшиться, истощиться, провалиться, а также санскр. *bhas* и *āsa* со значениями «пепел, прах», что легко укладывается и в образ опустевшего в результате полового акта мужского начала (санскр. *pasas* - пенис).

При этом слово *pasa^h* - распространять может относиться не только к области движения солнца по небу, но и к области воздействия солнечного света на землю (санскр. *as* — стрелять, метать), что позволяет сравнить слово «зона» - область с голл. *zon* — солнце и др.-гр. ζών — живой, живущий, потому что с восходом солнца все оживает, в то время как латин. *zōna* — пояс и др.-гр.

ζώνη (дор. ζώνα) — пояс, бракосочетание, свадьба могут связывать дугообразное движение солнца по небу с его любовным отношением к матушке земле, что не мешает появлению связи образа только что взошедшего из-под горизонта солнца с образом только что родившегося и быстро растущего сказочного ребенка-солнышка в качестве последствия сакральных любовных отношений.

В принципе с этим предположением можно связать прототунгусо-маньчж. aš — женщина и āži- — маленький ребенок в сравнении с др.греч. Ἀσία — Азия, ἄς — утренняя заря, восток, ᾠή — петь, воспевать и ассир. асу — восток, которые символизируют и воспевают место, где «рождается» солнце или небесный «камень» согласно ассир. ašu (aši) — молитва, просьба, молебен и uš — драгоценный камень, в котором присутствует элемент, соответствующий санскр. uṣ — утро, рассвет, свет.

Но в то же время поток положительных эмоций, связанных с восходом благодатного солнца, могло отразить слово asi — веселить, улыбаться, смеяться, торжествовать, ликовать из индейск. языка кечуа, соответствующее санскр. слову has — превышать, расцветать, распространять, смеяться.

При этом также нужно обратить внимание на значения ассир. aš — суть, сущность, бытие, живность, зверь и āši — я, для меня, касается меня, что в сопоставлении с ассир. ašu (aši) — молитва, просьба, молебен, išu — возгорание, огонь, пламя и i(t)šu — житель, человек, мужчина определяло отношение простого человека к восходу божественного солнца-Исы(Иисуса), солнца — пока еще ребенка, но в то же время солнца-избавителя от мифологически близкой к образу смерти ночи, с приходом которого начиналась кипучая человеческая деятельность по добыче средств к существованию, но ровно также впоследствии распространялся и огонь христианской веры.

Можно даже указать на то, что определенная фонетическая схожесть ассир. aš — суть, сущность, бытие, живность, зверь и asu — малыш, ребенок, кроха из индийск. языка кечуа может объясняться мифологическим восприятием образа ребенка в качестве некоего пришедшего из потустороннего мира существа, — то есть условного «зверя», напоминающего человека, но которому еще предстоит стать полноценным человеком.

В силу очевидной образности мышления древнего человека с этим дугообразным движением солнца по небу отождествлялась вся человеческая жизнь в отведенной для нее зоне деятельности, в то время как с понятием зенита в качестве наивысшего положения небесного объекта могло сравниваться не только достижение человеком предельной для него должности, но и достижение подрастающим поколением периода его наивысшего сексуального развития, когда молодые люди с оживающим и мгновенно крепнущим от возбуждения естеством, — то есть условным «камнем», который движется вверх, а затем вниз, — перед тем как вступить в брачные отношения и создать свою собственную семейную зону испытывали яростные последствия перестройки организма, что позволяет сравнить энергию и мощь сексуальных сил подростка этого возраста с образом яркого солнца или со значениями евр. rash — изобилие, богатство, гордость, надменность благодаря постоянно «гордящемуся» мужскому органу, что отражается и на буйстве характера самого подростка, который нередко ведет себя согласно евр. raša — быть обиженным, сердиться, восставать, бунтовать, хотя его образу подходит и турец. raša — правитель, потому что он как полноценный хозяин во время полового акта может уверенно управлять своим собственным «хозяйством».

По ассоциации с этим образом созревшего ребенка мужского пола можно сопоставить образ, скрывающийся за словом ra'su — крупный рогатый скот, приближающийся к зрелости (язык Maithils), которому свойственна драчливость и буйство характера.

Ведь не случайно же прототунгусо-маньчж. хожа- — конец, край, косой, наклонный с добавленным окончанием ip- — жить, живой имеет родственный по смыслу вариант (х)ожи — течка, указывающий на созревание молодого организма, с которым связано и оживление детородного хозяйства (конца), в то время как прототунгусо-маньчж. хйсе — мужчина, охотник, самец может быть связано с чуваш. хуса (хоша) — хозяин, при том что марийск. хоза — хозяин может быть связано непосредственно с прототунгусо-маньчж. хожа- — край, конец, что с одной стороны согласуется с точкой наивысшего подъема солнца или развития человека, а с другой стороны очерчивает зону их деятельности.

В качестве дополнительного подтверждения можно предоставить слова рах — грань, скос из языка дари, которое по смыслу схоже с прототунгусо-маньчж. хожа- — конец, край, косой,

наклонный, а по фонетике — с русск. словом «пах», который в мужском варианте называют «концом».

Видимо русск. диалектное пахать — полыхать, бушевать в совокупности с индийск. диалектным paḥ – сторона, часть, граница, светлый, расцветающий действительно могут иметь отношение к образу яркого солнца, идущего к зениту своей славы, - то есть наивысшей точке дневного цикла, что согласуется с тур. словом raṣa, обозначающим титул правителя, а также со словом raṣa - быть обиженным, сердиться, восставать, бунтовать, за которым просматривается образ отрекающегося от взрастившей его семьи подростка-отрока-солнышка, что соответствует хант. пах - мальчик.

В качестве подтверждения можно привести русск. диалектное слово князь — жених, то есть годящийся для сексуальных отношений подросток, которое находится в той же самой позиции по отношению к слову князь — правитель, что и raṣa — бунтарь по отношению к raṣa - правитель. Более того этим значениям соответствуют значения слова šāh - шах, государь, монарх, жених, молодой, главный, превосходящий из языка дари.

Стоит обратить внимание и на некую схожесть слов könig — король и жених, тем более что датск.-норв. kone (исл. konan) – жена совпадает с польск. żona с тем же значением, а значит и серб. краљ -король может иметь древнюю связь со словом «кряля» - красавица, любовница, проститутка, королева.

Необходимо также отметить присутствие в русск. диалектных словах с элементом «крал» значения округлости, свойственной древнему понятию красоты: крали — бусы, ожерелье, кралька — баранка, бублик, крендель, что, вероятно, имело отношение не только к священному солнечному кругу, но и к блестящему свадебному кольцу в качестве символа плодородия или сакральному кругу-оберегу.

Сюда же можно добавить и слово княжа — баня, которое благодаря образу жарко натопленной печи-каменки (предтечи европейского камина) семантически связано не только со словом пахать — гореть, полыхать, но и с санскр. kāmīn — страстно желающий, буйный, своенравный, распутный, возлюбленный, любовник, что относится вовсе не к мужу, а к еще неженатому подростку-князю, дорвавшемуся до разгульной сексуальной жизни, что возможно имеет отношение к множеству наложниц (а не жен) у правителя-князя.

Поэтому в пратюрк. языке kom – жажда, стремиться связано с кома – наложница, а заодно и с kop – гость, который посещает отдельно живущих в своем «углу» наложниц (то есть любовниц), чтобы стать kāp- - удовлетворенным, что соответствует санскр. словам kam – страстно желать, любить, koṇa — край, угол и kaṇā — девочка, девушка.

Нельзя не обратить внимания и на фонетическую связь русск. слова «гость» с англ. host – хозяин и даже со словац. hostiteľ с тем же значением, что увязывает образ хозяина дома с образом гостя (словац. host, босн. gōst, нем. gast), находящегося с вполне конкретным «визитом» в женской половине этого дома (англ. диалектное host – место свидания), что проецируется на образ мужского начала, совершающего эротическое «путешествие» (латин. gusto – отведать, вкусить) в начало женское, в результате чего женщина становится «беременной» согласно англ. gestation — беременность и латин. gesto – нести (in utero gesto – быть беременной, то есть быть на сносях), что привело к появлению латин. эвфемизма gastrum – пузатый сосуд, за которым скрывается образ забеременевшей женщины..

Можно также обратить внимание на формулу «у нас купец, у вас товар», применяемую при сватовстве, которая возводит «чужое» в ранг «своего», что соответствует значениям словац. host – гость (латин. hostis — чужеземец, враг) и норв. host — хозяин, где может быть отражение процесса замирения враждующих племен, которые приходили к взаимному согласию путем передачи девушки или парня (англ. hostage — залог, заложник) в чужое доселе враждебное племя, что, между прочим, тождественно уходу мужского начала в потустороннее женское лоно или девушки в чужой для нее дом своего мужа.

Более того здесь зашифрована некая граница между двумя мирами, которую должен был пересекать гость из другого мира, как ее дважды пересекает солнце, всходя из-под горизонта и уходя под горизонт.

Поэтому др.-англ. gāst (gæst) – дух, призрак, привидение, демон укладывается в эту же ситуацию, в которую укладывается даже норв. host — покашливание из-за некой преграды,

мешающей воздуху (духу) проходить свободно.

Стоит упомянуть и о др.-гр. γαστήρ — материнская утроба, которой для того чтобы забеременеть потребовалась определенного рода «пища» или определенного рода «гастрономия», что естественным образом связалось с обычным животом и обыкновенной пищей, которая тоже пересекает условную границу между мирами, исчезая внутри человека или животного.

Не зря же эту материнскую утробу называют материнским ртом.

Не все так просто и с гурманом (или гастрономом) — любителем вкусно поесть, потому как фр. gourmet — гурман имеет родственные слова gourmet — пыл юности, молодой разгильдяй и gourmet (gourma) со значениями «надевать узду», «бить рукой или кулаком», которые помимо смысла обуздания ретивого подростка вполне могут быть эвфемизмами полового акта, тем более что значения «рука, кулак» в символике являются аналогом пениса.

Такой вывод подтверждает и выражение jeter sa gourmet — вести разгульную жизнь (в молодости).

Скорее всего фр. слово gourmet связано с перс. словом гарми — жара, зной, пыл, страсть, оживление, дружелюбие, привлекательность и др.-гр. ὀρέω (ормао) — стремиться, желать, возбуждать, разжигать, что несомненно относится к взаимоотношениям мужчины и женщины, прикрытым эвфемизмом, относящимся к взаимоотношениям человека и пищи, которая на санскрите обозначается словом piṣṭa — пища, еда, вероятно соответствующим общенному русскому слову, обозначающему женский половой орган.

В принципе подтвердить это предположение может новоперс. pista — фисташка, так как фисташковые орехи с треснутой скорлупой имеют женскую символику и считаются женским витамином красоты, поэтому на западе и востоке женщины ели их, чтобы привлекать к себе мужчин, а треск орехов на фисташковых деревьях сулил влюбленным счастливую жизнь. Более того перс. piṣṭaz — идущий вперед можно отнести уже к мужскому органу, что сближает его с «пестом», толкущим женское лоно.

Помимо сопоставления слова «зона» - область с голл. zon — солнце, др.-гр. ζών — живой, живущий, латин. zona — пояс и др.-гр. ζώνη (дор. ζώνα) — пояс, бракосочетание, свадьба, также есть смысл сопоставить русские слова «жених», «женить», «жена» и диалектное зонка — парень, а также польск. żona — женщина, жена, с др.-гр. ζών — живой, живущий, ζήν — быть в силе, разгаре, движении (сравните со словом «зенит»), и даже с др.-гр. ζήν (дор. ζών) — Зевс, который, будучи любвеобильным мужчиной, то и дело «женился» с разными женщинами. Причем русск. диалектное зон — белая материя может ассоциативно указывать и на белое платье невесты, и на белый облик дня, полного жизни.

Но в то же время русск. диалектные слова зоной — золотой, зено — глаз, солнцепек, открытое место и зень — земля (по-видимому, освещенная солнцем) можно связать не только с др.-гр. ζών — живой, живущий и ζήν — быть в силе, разгаре, движении, но и с голланд. zon — солнце, с нахождением которого в зените отождествляется зона возраста молодого зонки, в то время как слово сон в его варианте спать — заниматься сексом может иметь отношение к европ. son — солнце по причине жарких любовных отношений и любовного «обморока» в качестве аналога солнечного удара.

При этом начало сексуальной жизни, как и тепло вошедшего в силу солнца, связаны с особыми отношениями человечества к этим явлениям, что определяется англ. pas — первенство и pās — защита, признание, почет, уважение, честь, доля из языка фарси, что символизирует выделение повзрослевшего подростка из прочей, не имеющей никаких прав, детворы и особую роль набравшегося мощи дневного светила, которые при этом будут способствовать не только плодородию человеческого рода и матушки земли, но и охране принадлежащего им мира.

На крепнущую мощь молодого отрока, отрекающегося от своего бездеятельного детства, косвенно указывают санскр. слова śilā — камень, скала, śila — созревший колос и śīla — характер, нрав, привычка, правило, которые можно сравнить с русск. словами «сила», «шило» (протыкающий инструмент), «шил» (шить, сшивать) и диалектным сила — обеспеченность, достаток, плодородие, к которым также примыкают диалектные силить — мочь и силот — петля, запор для ворот в качестве аналога мужского начала, запирающего или «сшивающего» начало женское.

В то же время с охранительными функциями можно связать санскр. *raś* — смотреть, замечать, узнавать, исследовать и тур. *rās* — забота, бдительность, уважение, наблюдение, что подходит не только молодому человеку (перс. *rāsuz* — любящий, страдающий, заботящийся, *râ-sûz* — страстный любовник), ухаживающему за девушкой и оберегающему ее от других поклонников, или ярому солнечному «глазу», насыщающему своим плодородным теплом землю, но и заботливому военачальнику паше (тур. *paşa*,), тем более что тур. слово *rāsh* — кто или что разбрызгивает или разбрасывает, рассеивающее свет солнце именно на это и указывает.

Более того слово *rāsh* делает намек на обуянное гордыней вставшее мужское естество или пах, что соответствует санскр. словам *pasha* — естество, суть, нрав, природа, род, сущность, край, граница, острие, ребро, торец, связь, узы, заманивать, угасать и *pasas* — пенис, которые в англ. сленге соответствуют значению *rash* — страсть, похоть, а в евр. языке значениям *pa-sas* — провалиться, истощиться, уменьшиться, что и делает мужское начало проваливаясь, истощаясь, а затем уменьшаясь в своих размерах.

Также нельзя обойти вниманием очевидную связь всех этих слов со словом «пасха», которое несомненно принадлежит языческому времени и знаменует собой начало производительного цикла природы, когда набравшее сил молодое солнце в качестве полноправного любовника активно способствует воспроизводству земель новой растительной жизни, что связано с началом выпаса скота на молодых и поэтому сочных травах.

Не случайно же неперенными атрибутами пасхи являются сваренные вкрутую и покрашенные (покрытые краской) яйца, а также кулич, обильно покрытый сверху сахарной пудрой, который знаменует собой поднявшееся мужское начало, наполненное обильной спермой, что соответствует англ. сленговому слову *paste* — сперма, в то время как битие яиц согласуется с англ. сленговым *rash* — бросаться с силой, наносить удар, разбивать, которое имеет дополнительные значения с сексуальным подтекстом: «возбудить, развести огонь, спешить, пробиваться, обрушиться, выплеснуть наружу».

Такой же подтекст есть и в сленговом *pass* — посвящать, переходить, передавать, тратить, светлый, красивый, добросовестный, мастер, что указывает не только на образ разбивающего оковы зимы и способствующего земному плодородию солнца, скрытый в слове *rash*, но и на образ работающего мужского начала-пахы (санскр. *pasas*), способствующего увеличению человеческого рода.

При этом слово *paste* — сперма любопытным образом сочетается со словом «пастух», которое, в свою очередь, можно сравнить с перс. *бастэги* — связь, родство, в то время как слово «телка» в сленговом варианте может обозначать девушку, потому что эти два образа объединяют значения, соответствующие монг. *тёл* (*төл*) — приплод, молодняк и марийск. *телей* — потомство.

Более того англ. *paste* — сперма можно сопоставить с англ. диалектным *pasty* — вздутый, набухший; вялый, дряблый, где могут быть спрятаны образы полного спермы и уже опустевшего мужского начала, что придает словам «паста», «паштет» и «пастух» весьма двусмысленный характер.

3

Возвращаясь к взаимосвязи образов метеорита и молнии, можно указать на то, что факт исчезновения молнии в земле или ее поглощение землей мог быть зафиксирован в элементах слова *aśani* — молния, которые можно сопоставить с санскр. *āśa* — есть, пить, наслаждаться, что ассоциативно связано с *āsa* — оканчиваться, кончаться в качестве перехода «съедаемой пищи» из видимого мира в мир невидимый, и *nī* — уводить, направлять, проникать, входить, *ānī* — подносить, доставлять, вливать.

Эти значения соответствуют мифологической сути молнии, сопровождаемой сильным дождем, которая с одной стороны в качестве фаллического символа служит земному плодородию, питая своей божественной энергией землю, а с другой стороны в качестве губительного оружия несет в себе смертельную опасность для людей и природы.

Это же касается и так называемых «небесных» камней-метеоритов или гром-каменей, которые по древним поверьям связаны с молниями и у многих народов являются символами плодородия, что роднит их с земными камнями-оплодотворителями, прикосновение к которым давало бесплодным женщинам надежду на появление долгожданного малыша.

А так как падающий метеорит с неоднородной структурой может распадаться на части, то этот факт позволяет сравнить санскр. *rāṣāṇa* — камень и евр. *rash* — распадаться, *rasah* — разброс, распространение, что в принципе можно связать с разбросом семян в поле или помещением мужского семени в женское лоно.

Но в то же время падение крупного небесного камня-*aśaṇ* на земную поверхность и зарывание в ней что называется с головой ассоциативно могло восприниматься как достижение некой желанной цели, что соответствует санскр. словам *aś* — достигать, добиваться, овладевать, проникать, наполнять и *aṇ* — двигаться, звучать, а также *āśā(s)* — желание, надежда с неприятной антитезой *aśas* — проклинать, ненавидеть, что, видимо, соответствует понятию случившихся неудачных последствий от такого падения в сопоставлении с предпринятыми человеком определенными негативными действиями, например изнасилованием женщин во время войны или случившимся браком с нелюбимым человеком, который также сопровождается громкой бранью.

На это указывает санскр. слово *rāsas* — мужской половой орган, включающее в себя элемент, фонетически схожий с *āśā(s)* — желание, надежда и *aśas* — проклинать, ненавидеть, в то время как элемент *rā* связан с наслаждением, пиршеством, жаждой, истощением, управлением, охраной и током воздуха, где даже значение «охрана» можно воспринимать с двух позиций: поднявшееся мужское начало создает образ крепкого и надежного охранника, осматривающего окрестности, и в то же время оно является самым болезненным местом у мужчины и часто истощается, а поэтому требует особой защиты и восстановления.

Поэтому евр. слова *ra-sas* — уменьшаться, истощаться, проваливаться, чахнуть и *ra-sa* — пройти сквозь, уменьшаемый, расходующий вполне вписываются в образ задействованного мужского начала, которое не только «пышет жаром» при трении о женское лоно, но и скрывается в нем, как упавший метеорит или молния скрываются в земле, что позволяет русск. слова *пахать* — засеивать и диалектное *пахать* — пламенеть, полыхать сопоставить с евр. *ra-shat* — сделать оголенным, *ra-shath* — бить, колотить, давить, втискиваться и *ra-chath* — правитель, воевода, потому как мужское начало обычно выступает в качестве инициатора подобных сексуальных действий, после окончания которых оно приобретает вид, соответствующий шугнан. *пах* — съездившийся, скрючившийся, прижавшийся (к области бедер).

Более того евр. *rachath* — яма символизирует женское начало, а евр. *rachad* — яичко, семенник, камень, камешек, косточка, зернышко символизирует окрепшее мужское начало, которое находится в возбужденном состоянии, на что указывает и евр. *ra-chah* — мужская особь, фонтанировать, хлестать, литься.

Но в то же время евр. *rach* — ловушка, сеть ассоциативно обозначает любовные сети, в которые легко попасть недавно повзрослевшему ребенку, что схоже с санскр. *rāśa* — узы, путы и *ras* — развиваться, созреть, *raś* — узнавать, посещать, являться на поклон, за чем стоит любовный наклон молодого мужчины над женщиной.

Этот факт подтверждают евр. *ra-chad* — поклоняться и *ra-chach* — заманить в ловушку, обманывать, обольщать, уловка, фокус, проделка.

Не случайно же падение метеорита осмыслялось древними людьми как священный брак бога неба и богини земли, а его углубление в землю символизировало половой акт между небом и землей, предшествующий зарождению новой жизни.

Тогда и *āśa* — есть, пить, наслаждаться можно воспринимать иносказательно как питание светлым мужским началом (молнией или метеоритом) материнского рта женщины (или земли).

В таком случае полет камня в небо может символизировать сексуальную готовность молодого организма, когда окрепшее мужское начало начинает подниматься вверх от сильного возбуждения, а падение небесного камня можно связать непосредственно с бурным половым актом, когда «раскаленное» от страсти мужское начало раз за разом начинает свое скользящее падение на земную по своему характеру суть плодородного женского лона.

Поэтому нужно обратить особое внимание на фонетическую схожесть русск. слова *камень* и др.-греч. *κάρμε* — трудиться до изнеможения, новогреч. *κάρμα* — зной, жара (в данном случае из-за распаленности организма), а также санскр. слова *kāma* — страсть, желание, любовь, что в случае присоединения к нему санскр. *īna* — сильный, крепкий, могучий (сравните: морд. *кеме* — крепкий

+ ине — великий, большой) дало бы слово kāmēna, а в случае присоединения санскр. па – знание, решение дало бы слово kāmāpa, которые в том и в другом случае любопытно сравнить с русск. диалектными каменек и каманек с одним и тем же значением «камешек» (по отношению к молодежи), а также со словом каманиться — стараться выделиться, заигрывать, кокетничать, что и делала окрепшая в своем развитии молодежь (венгер. kamasz – подросток, kemeny – твердый, упругий, стойкий, крепкий, упорный) на вечерних посиделках, тесно прижимаясь друг к другу, что подводит нас к образу тесно сплоченной семейной пары, которую трудно разъединить, как трудно разъединить крепкий по своей структуре камень.

Исходя из этого, легко сравнить русск. слово каманиться — заигрывать с марийск. именем Каманай, которое восходит к ср. перс. hāmenan — друг, приятель, который готов пообщаться с подругой с помощью своего распаленного похотью «камешка», чтобы увеличить и укрепить свой род, делая его «комом», на что и указывают курд. слова kamil – достигший совершеннолетия, ketal — совершенный, зрелый, разумный, одаренный, совершеннолетний и komele (kom) – сборище, толпа, группа, куча, что может иметь отношение к русскому слову «комель» – нижняя часть дерева, объединяющая многочисленные корни.

Но ровно также и образная близость значений санскр. апа — подниматься, ап — двигаться, существовать, дышать, звучать, прочный, крепкий, здоровый и па — знание, решение может ассоциативно определять облик подростка и наполненной желаниями молодежи, которая ищет возможность связать себя семейными узами и войти в сообщество взрослых людей, что гармонирует со значением санскр. ūpa — нуждающийся, лишенный, меньший, то есть «образно неполный», а также гармонирует с тем обстоятельством, что лишь достигнув половозрелости и успешно пройдя сложные испытания (инициацию) с одновременным получением необходимых знаний, молодой человек в буквальном смысле слова завоевывал право на брачные отношения со своей второй половиной, а значит и право голоса во взрослом обществе, — то есть начинал сакрально существовать и говорить (звучать) в качестве полноценного человека.

Поэтому слово rāṣāṇa — камень в сравнении со словом «пацан» не случайно включает в себя элементы, схожие с rāś — наблюдать, замечать, удостоверить (выбирая, например, вторую половину), rāśa — узы, путы и апа – подниматься (то есть вырастать), па – знание, решение, в то время как слова ūpa — нуждающийся, лишенный, меньший и uṣa — сияющий, сверкающий, жаждущий, стремящийся в случае их соединения могли бы составить слово ūpaṣa, отсутствующее в санскрите, но имеющее русский аналог «юноша», — то есть молодой человек, который испытывает страстное желание связать себя любовными узами и лелеет надежду на исполнение своих желаний.

При этом элемент rā в слове rāśa — узы, путы имеет значения «защищать, покровительствовать, управлять, пить, всасывать, поглощать», что скорее указывает на поглощение молодого человека любовными эмоциями и чувствами, чем на унижительность его подневольного положения, а элемент śa — точить, обтачивать (свое оружие или рог) делает иносказательный намек на сексуальное «оружие» любого созревшего отрока, которому приходит пора отречься от своего детства, а значит выйти из-под контроля родителей, что знаменовало когда-то начало подростковой инициации.

Поэтому слово узы можно сопоставить с санскр. uṣī — желание, а слово путы — с санскр. puṭ (puṭati) — воспринимать, закрывать, покрывать, заключать в объятия, что через значения puṭh — бить, колотить, светить, говорить, поглощать (звуки) подводит нас к описанию полового акта, связанного с периодом получения молодым человеком (светлым мужским началом) права голоса.

В эту же ситуацию вписывается и образ маленького ребенка или младенца (др.-гр. παῖς), требующих постоянной заботы и кормления, что отражено в марийск. словах пасай — недоросль, отпрыск, пацай — последыш, пачык — малюсенький и курд. raṣî – потомок, а также в хант. слове pāḥ — мальчик, которое предполагает полную ассоциацию с мужским членом, обладающим меньшими размерами по сравнению с остальными членами человеческого тела, тем более что нога и рука в мифологии имеют сексуальную символику.

Причем эта символика есть и в окончании слова παῖς, на что указывают др.-гр. ῖς — мышца, мускул, сила, мощь, стремительность, напор и санскр. iṣ — желать, искать, требовать, возбуждать, сок, сила, мощь, услаждение, а также санскр. ṭś — владеть, мочь, быть в состоянии. Но эти значения могут уже относиться непосредственно к окрепшему мужскому органу или к

будущим возможностям малыша, а так же к дополнительным значениям новогреч. слова παις , таким как «подросток, юноша, неженатый мужчина», которым требуется постоянная подпитка положительными эмоциями, связанными с половым созреванием организма.

4

Но в то же время значения *rā* — защищать, управлять, поглощать и *raś* — наблюдать, замечать, удостоверять могут относиться к совместному образу внимательного пастуха и пасущегося стада (санскр. *raśi* — рогатый скот), в то время как слово *sraś* — страж, сторож, брать, обнимать, останавливать, мешать, связывать является аналогом русского слова Спас(атель), который связан тесными узами с теми, кого он сторожит и при необходимости защищает. Стоит также обратить внимание на рогатость скота, потому что рог в символике олицетворяет мужскую потенцию, гордость, плодовитость и супружескую ревность.

Можно даже сказать, что небо пасет землю, как пастух пасет стадо, а влюбленный молодой человек «пасет» свою избранницу-«телку», что так или иначе относится к процессам захвата, присмотра и дальнейшего размножения, на что указывают марийск. слова *паса* — размножаться, *пас /лык* — недоуздок, *пастыган* (перс. *bāstegan*) — родственники, близкие, домашние, *пасай* — недоросль, отпрыск, за которым нужно внимательно присматривать и который в младенческом возрасте сосет молоко согласно санскр. *rā* — защищать, управлять, всасывать, поглощать и *aś* — есть, питаться, наслаждаться.

В данном случае можно сказать, что объекты, требующие определенного покровительства, являются центрами притяжения для своих покровителей, но и покровители, в свою очередь, могут являться центрами притяжения для тех, кто ищет такого надежного покровительства.

Тогда и образ всезамечающего паши (*paśa*), первоначально использовавшийся для грозных и одновременно милостивых военачальников, может относиться к человеку, также являющемуся центром притяжения для подчиненных ему людей и который, в свою очередь, опутан узами профессиональных обязательств в пределах предназначенной ему зоны ответственности. Конечно земля, на которую падает притянутый ею метеорит, обладает женской сутью а в правителе-паше присутствует суть мужская, но здесь имеется образ взаимного притяжения «небесного» по своему статусу правителя и простого люда, имеющего земное происхождение, что схоже с притяжением любви, когда светлое мужское начало тянет к темному женскому и наоборот.

Поэтому в русских диалектах наравне со словами *пашá* (пáша) — луг, пастбище, *пáша* — пашня и *паш* — дупло, которые в данном случае олицетворяют женское начало, есть *паши́нка* — прутик и даже *паши* — багор, притягивающий лодку, которые олицетворяют мужское начало, притягивающее к себе женщин.

Но в то же время центром сильного притяжения может быть и обычный человек, который является неформальным лидером в своем коллективе, что относится и к образу работающего главы семейства, который подобно пашé обладал когда-то непререкаемым авторитетом среди близких ему людей и в то же время нес огромную долю ответственности за благополучие своей семьи.

Поэтому санскр. *rāśa* — узы, путы и тур. *paśa* — правитель связаны ассоциативными нитями как между собой, так и с марийск. *пашá* — работа, деятельность, труд и др.-марийск. *паша* — размножаться (с учетом санскр. *rā* — поглощать, управлять, защищать и *śa* — призыв, восхваление, острое оружие, *śā* — точить, обтачивать), которые, в свою очередь, семантически связаны с индоар. *kāmā* - работник и *kāma* - страсть, желание, любовь, половой акт, а также с лаосск. *kām* – затвердевать, мускул, желание, вожделение, что объединяет образ затвердевшего от возбуждения мужского органа (остро заточенного оружия) с образом затачиваемого камня, а точнее с образом «заточенной» по своей форме скалы.

При этом образ такого «оружия» хорошо просматривается в тур. *pañ* – острый, заостренный, но в то же время *paña* - цена и *pañalı* - дорогой, дорого стоящий может объяснить обращение «дорогой» и «дорогая» по отношению к супругу, «пашущему» по ночам и отдающему в качестве платы за удовольствие или в качестве залога часть своей спермы, а также к супруге, рожаящей ребенка благодарному мужу, что является такой же платой за удовольствие, но ее можно трактовать и как возвращение залога или же как возвращение долга да еще с процентами.

Чтобы доказать тот факт, что любовное притяжение когда-то являлось самым значимым из всех представленных выше притяжений, можно рассмотреть санскр. слово *ayas-kānta* — магнит, которое помимо очевидного *ayas* — руда, железо содержит в себе элемент *kānta*, имеющий значения «любимый, желанный, красивый, возлюбленный, муж, супруг», образно тождественные значениям санскр. слов *ayās* — неустойчивый, неустойчивый и *āyas* — добиваться, фонетически схожих с *ayas* — руда, железо, что в совокупности служит описанием предприимчивого и неустойчивого добытчика-самца, готового на любые подвиги, в том числе и сексуальные. Именно такие сексапильные самцы-магниты в первую очередь привлекают к себе податливую женскую породу и сами стремятся к ней, что, между прочим, указывает на первичность страстного желания любви и вторичность современного значения слова «магнит», а заодно и слова «камень».

Ведь даже слово комар, представители которых выются вокруг человека с целью его укусить, по своей сути схоже с индоар. *kōmāg* — юноша, подросток, который при недостаточном еще росте «кружит» вокруг женского пола, потому что уже имеет возможность сексуально «укусить» понравившуюся ему девушку- *kōmōḡ*.

Этот образ страстного кружения отражен в тюркск. слове *kāmār* — пояс, который когда-то был неременной принадлежностью мужчины и женщины из крестьянского сословия, потому что он символизировал защиту плодородного начала человека и, соответственно, окружавшей его природы.

Поэтому слово *kāmār* имело и другое значение — «свод», обозначающее не только наклон неба над землей, но и наклон мужчины над женщиной, в то время как дополнительные значения *kāmār* — узкая долина, узкая низменность и *kāmār* — грызть могут укладываться в единый образ женского лона как узкого ущелья, в которое протискивается (вгрызается) мужское начало.

Можно даже предположить, что за словом «магнит» помимо чего-то магического и непонятного в самостоятельном поведении мужского органа стоят значения, близкие санскр. словам *maḥ* — пробудить, возвысить, большой, сильный, обильный, высокий, важный, что соответствует образу пробужденного мужского начала, и *nī* (*nīta*) — вести, направлять, уводить, а также *nīti* — правильное поведение, жизненная мудрость, обычай, что соответствует древнейшей политике продолжения человеческого рода, которую можно сравнить с путеводной нитью, ведущей с одной стороны к некоей сакральной впадине или загону (санскр. *puṭa*), за которыми скрывается женская вульва, а с другой стороны к чистым или нечистым сексуальным отношениям (санскр. *pūti*) между мужчиной и женщиной.

Поэтому есть определенная связь между тюрк. *kam* — шаман, чародей, почет, печаль, похороны, недостающий, неспелый и санскр. *kaṁ* — любить, страстно желать, призывать, — в данном случае духов опытных и мудрых предков, которые должны были возродиться в кровном для них роду в виде незрелого до поры до времени ребенка.

Этот момент возрождения привел к сочетанию тюркск. слов *kām* — дряхлый старик, старуха и *kām* — меньше, кем — малость, пренебрежение, недостаточность, что можно отнести к подростку, их кровному родственнику (сельк. *kaṁ* (кэм) — кровь), хотя неспособность пожилого человека к плодородию также могла понизить его общественный статус.

Более того тюрк. *kata* — острое орудие, клин, острый конец, напасть, окутать, — то есть покрыть, — загнать за ограду, ослабеть, отупеть, — в результате чего превратиться в *kāta* — падаль, — а также морд, кеме — крепкий, твердый; жилистый, надежный; удм. кем — сила, мочь и манс, кем — сила, энергия, — все эти значения носят эротический оттенок, связывающий их со значениями санскр. *kata* — страстное желание, любовь.

Любопытно, что к этим значениям можно добавить др.-русс. слово магнить — камень и русск. диалектное магнит — средства, достаток, чего нельзя было достичь без достаточного числа молодых и крепких работников, вносящих свою лепту в общее накопление благосостояния семьи, рода или общины, что, в общем-то, свойственно и плотно набитому спермой человеческому началу, и плотно набитой деньгами «мошне», и плотному состоянию камня, и спяяному общим проживанием человеческому коллективу, что соответствует значениям сельк. *kom* — человек, крепкий, богатство.

Но в то же время русск. диалектное магна — осуждение в смысловом сопоставлении с тюрк. *kām* — порок, вред, порча может относиться к сексуальной несдержанности и любовным похождениям молодежи или же к человеку, холодному в любовных отношениях, что по ассоциации может определяться марийск. *магнай* — большой и *мага* - глупый, несообразительный, а также латин. *mage (magis)* – больше, скорее, сильнее и эст. *magaja* — спящий, что в сакральном смысле можно отнести и к ребенку с еще не пробудившейся сексуальностью, и к человеку со слабым либидо, и к «особе», любящей «спать» с разными партнерами противоположного пола, и, конечно же, к обычному человеку, соблюдающему свои супружеские обязанности.

Вне всякого сомнения входящий в слово *rāśa* — узы, путы элемент *āśa* может иметь отношение к санскр. *āśā(s)* — желание, надежда и *aśas* — проклинать, ненавидеть, потому что любовные узы подвержены этим двум крайностям, впрочем как и *rāsas* – мужской половой орган, который своим проникновением в зависимости от обстоятельств может и порадовать женщину, и жестоко ее обидеть, что по ассоциации отображается в образе работающего и опытного крестьянина, заботливо обрабатывающего землю крепкой и острой мотыгой, или же в образе, например, неразумного работника, агрессивно разрушающего поверхностный пласт земли, что никак не способствует ее дальнейшему плодородию.

Поэтому слово *rāsaṇi* – мотыга из инд. языка *maithili* образно схоже с санскр. словом *rāśāṇa* — камень, тем более что когда-то существовали и острые каменные мотыги, пронзающие землю наподобии падающего метеорита, — то есть в полном соответствии с непал. словом *pasāi* — проникновение и баск. словом *raso* – проход, дорога.

Исходя из этого становится понятным включение в санскр. слова *aśan* — камень, небосвод и *aśaṇi* — молния элемента *śa(n)*, означающего не только движение, но и схожего с *śā(n)* - точить, обтачивать, что указывает на образную заточку небесного камня и молнии во время их падения с небесной высоты, что, между прочим, схоже и с падением солнечного «камня» во время заката, в то время как бросок этого «камня» в небо символизирует восход нашего дневного светила.

Вместе с тем шумер. *ra-a-šu* — мотыга, *ra-še* — луч и *ra-šeš* — важный, очевидный, основной, большой, вождь подводят нас к образу горделиво стоящего наподобие военачальника паши (тур. *paşa*) мужского органа (сравните также с хуррит. *raḥ* — строить, возводить), который обозначается санскр. словом *rāsas* и который обязан делиться с нижележащим (нижестоящим) «объектом» своей сакральной мощью и силой, что отражено даже в индейск. языке кечуа, в котором существуют находящиеся в одном образном ряду слова *rāga* — мужская и женская особи, *raja* (*raha*) — скрученная нить, *rasua* — пойти прогуляться, *pasha·(paša)* — клевать, *pata* — расколоть, *rasa* (*raka*) — прятать, скрывать, *rāsa·(ra:sa)* — проходить, передавать, *raču* (*paču*) — селитра, *rasa* (*paša*) — постоянно, неизменно, пространство, область, брюхо, живот, где были ассоциативно зафиксированы скрытые от других людей сексуальные взаимоотношения мужчины и женщины, связанные с передачей ей условных удобрений (спермы), дающих мощный плодородный импульс женской утробе, что сопоставимо с кашмир. *ra:h* — удобрение и одновременно с русск. словом «пах», который при этом должен соответствовать аллегорическим значениям др.-гр. слова *παῖχς* — толстый, массивный, крепкий, огромный, плодородный, что послужило причиной изображения языческих богов плодородия с невероятно большими эрегированными членами.

Дополнительно можно сравнить индейск. слово *rāga* — мужская и женская особи с библ. *raga* - встретить, сделать запрос, атаковать, достигнуть своей цели, где никакое иносказание не может скрыть сексуальной подоплеку этих значений, несмотря на то, что оформляющее их слово принадлежит отдаленным друг от друга народам.

Более того это слово в двух своих вариантах может быть связано с латин. *rago* – замышлять, воспевать, обещать, заключать, вбивать, вколачивать, засаживать, а также с латин. *raganus* – простой, деревенский, языческий, потому что все языческие праздники так или иначе были посвящены плодородию и дольше всего держались именно в деревенской среде.

Сравните, хотя бы, англ. *rah* – тьфу! и *rah* – деревня, где наиболее ярко проявилось откровенное пренебрежение не столько к внешней непрезентабельности деревенских условий жизни, сколько к сексуальной деревенской культуре, в которой множество детей было равнозначно множеству потенциальных работников, а значит и обилию будущего урожая.

Движение весеннего солнца (или сакрального «камня») по небосводу над готовящейся «забеременеть» землей могло быть отражено в санскр. словах aśan — камень, небосвод и rāṣāṇa — камень, но в то же время за значениями элементов aś — достигать, овладевать, raś — посещать, являться на поклон и an — двигаться, существовать, дышать, звучать, прочный, крепкий, здоровый, ana — подбрасывать, подниматься может скрываться ассоциативный образ нагнувшегося над девушкой молодого мужчины, который находится на пике своего сексуального развития, что соответствует санскр. ras — развиваться, возрастать, созреть, англ. rate — скорость, темп, ходить туда и обратно, протоафр. ras (rats) — рассыпать, рассеивать, идиш. роц (rots) — половой член, глупец, дурак (который может быть круглым) и марийск. паче — свежий, сочный, а также др.-мар. паша — размножаться и опять же санскр. raś (паш) — являться на поклон, что в данном случае соответствует образу агрессивного по своей сути «подтягивания» к себе и затем «покрытия» горячим и страстным любовником (маньж. rate — грабли, повеса, распутник) любимой женщины согласно кашмир. rash — кровля, навес, кров, люк, покрытие и rashu — грубый зверь, человек, который не посвящен в тайны спасительной религии, — вероятно помогавшей юноше обуздать свои изначально дикие чувства с помощью неких нравственных запретов, образно определяемых словом rāsh — петля, недоуздок, повод.

Любопытно, что англ. слова rash — ударять, разбивать, обломки, осколки и rash — страсть, предмет страсти и поклонения при всей сексуальности значений, связанных с половым актом, тем не менее через значение rash — голова выводят нас на слово rasha — паша, при том что военачальник, носивший этот титул, считался как бы названным отцом или главой для подчиненных ему людей, хотя при этом он мог «разбить» немало голов своим противникам. Тогда и перс. по происхождению слово rashm — козья шерсть обладает сексуальными признаками, заключенными в значениях «козел» (благодаря торчащим рогам и бодливости) и «шерсть», потому что оволосение тела считается признаком большой сексуальной силы.

При этом кашмир. rash — покрытие, rāsh — петля, недоуздок, повод и rashu — грубый зверь, которые фонетически и образно близки к англ. rash — страсть, предмет страсти и поклонения, находятся в такой же позиции друг с другом, как и англ. dicky (diki) — передник, манишка, спецовка, вставка, воротничок и dick (dik) — парень, хлыст, мужской половой член, при том что другое значение dicky (diki) — неустойчивый, шаткий может быть связано с особенностями полового акта, основанного на быстром движении «туда-сюда», а значение dickens — черт, дьявол, бесенок, чертенок (о ребенке) может быть семантически связано не только с финск. rahe — злой, дурной, сильный, большой и англ. rah — тьфу, но и с хант. pāh — сын, мальчик, парень, что с учетом финск. rahe — порок может относиться к образу созревшего (окрепшего) для половых отношений хулиганистого подростка, который должен перебеситься перед началом супружеской (с определенными запретами) жизни.

При этом ассоциативные по отношению к финск. слову rahe — порок значения русск. диалектного слова порок — длинный шест, используемый для валки леса, залог, стыд и церк.-слав. порокъ — таран, стенобитное орудие можно ассоциативно применить к образу мощного мужского паха или срама, который после своего стремительного превращения в «камень» (индийск. диалектное rāhan — камень, окаменеть) тут же отдается в залог жадному женскому естеству.

То что индийск. rāhan окаменеть семантически связано с лаосск. kām — затвердевать еще больше сближает смыслы слов «пах» и «камень» через объединяющий их смысл крепких любовных отношений, ведущих к сплоченности и увеличению рода, что соответствует евр. пахь — петля, rash — сеть, силок и санскр. kata — любовь, а в общем смысле тесного единения — уйгур. қом — род, племя и др.-гр. κώμη — деревня, селение, участок, район.

Ровно также в едином образе совмещаются инд. диалектные слова rah — утренняя дымка, ручеек, rahi — рыболовная ловушка и rahu — муж, где под ловушкой понимается любовная связь, а под утренней дымкой и ручейком сексуальное покрытие женщины мужчиной с целью оживить или осветить ее доселе пустынное темное лоно, на что указывает прото-афроаз. -ras' (-ras, -rats) — зажечь, осветить, оживить в полном соответствии с мифологической сутью любовных взаимоотношений мужчины-неба и женщины-земли, которые наиболее тесно связаны между собой во время грозы и сильного дождя, когда переполненное дождевой спермой небо страстно «прижимается» к земной поверхности, чтобы ее обильно оплодотворить. О такой сакрально-любовной связи неба и земли можно прочитать в любой книге или статье по

мифологии на соответствующую тему.

Если же сравнить с санскр. рас – развиваться, возрастать, созреть и прото-афроз. рас (pats) – рассыпать, рассеивать, зажигать непал. слово пач – отбирание, переваривание, возвращение назад и бенг. поча – портиться, гнить, разлагаться в комплексе с русск. ассоциативным поча – низкое, заливаемое водой место, болото, то в них тоже можно обнаружить сексуальные моменты, связанные с половым актом, развитием плода (условной почки) на основе внесенных и переваренных «удобрений» и дальнейшими родами, что находит свое косвенное подтверждение в русск. диалектных словах почáкивать – постукивать, почáкать – подождать, почат (почин) – начало, почáлок – подросток и почáк – красивый мужчина, которые знаменуют собой процесс развития человеческого существа от постукивания и рассеивания, то есть зачатия, до момента созревания подростка и его превращения в портящего девок и морально разлагающегося самца, наложенный на процесс развития хлебного колоса, содержащего многочисленные зерна, которые могут осыпаться после полного созревания, а также на процесс выпечки хлеба или колобка, то есть ребенка, который затем начинает свой жизненный «танец» от «печки», под которой можно понимать материнское лоно.

При этом сами танцы служат не только единению женщин и мужчин, а также земли и неба через поднимание и опускание рук, но и в случае кругового движения (хоровода) символизируют собой движение дневного светила по небосводу.

Так что вполне вероятно сопоставление русск. слова танец (польск. диал. tan - пляс) с санскр. словами tana – потомство, ребенок и tās – звук или cī – собирать, наблюдать, постигать, ощущать, искать, которые соответствуют окончанию «ц (тс)», при том что добавочное слово tāna – нить, протяжение, дрожание, вибрация, ладонь содержит в себе образ бесконечной вереницы звучавших когда-то и звучащих в данный момент поколений, которая может соответствовать славянскому хороводу.

В русских диалектах есть слова танана – шумная толпа, таныш – приятель, знакомый, танак – знаток своего дела и танок – хоровод, гулянье, дружба, приятельские отношения, а также слово танки – весенние пляски с объединением вереницы парней и вереницы девушек, создающих попарный хоровод, причем в значениях тана – утки, – которые, как известно, ходят друг за другом, а в символике олицетворяют брачный союз и преданность, – и тана – женское круглое украшение с отверстием посередине также просматривается образ хоровода, соответствующий сансаре – круговороту рождений и смерти в мирах, ограниченных кармой.

Более того сопоставление выражений «ходить тананой» – неотступно следовать за кем-л. и «тананы водить» – бездельничать, праздно шататься со словом «тананы» – мужские половые органы создает образ влюбленного юнца, выющегося вокруг не очень-то податливых девушек.

Подтвердить это могут мар. тан (тюрк. таны) – друг, приятель, товарищ и чув. таса – рослый, крепкий, здоровый, а также тусь – зерно, ягода из языка коми и удмурт. тус – вид, облик, цвет, подобие, ведь в танцах могли участвовать (тусоваться) лишь повзрослевшие и годные к сексуальному «посеву», а потому услышанные обществом, юноши и девушки.

Поэтому сюда можно добавить санскр. tośa – капающий, текущий и toṣa – удовлетворение, наслаждение, которые вместе с чув. таса и тусь, а также удмурт. тус, также могли бы соответствовать окончанию «ц» (тс) в слове «танец».

А так как танец, особенно танец священный и танец воинственный, в какой-то мере связан с забвением, когда танцующий отрешается от всего мирского, то интересно сравнить слово «танец» с названием Танатос, как звали древнегреческого бога смерти, изображаемого в виде крылатого юноши, перепоюсанного мечом, которого, тем не менее, впоследствии ассоциировали с Купидоном.

Возможно это связано с древними представлениями о том, что ребенок до своего совершеннолетия и обязательной для того времени предсвадебной инициации принадлежит потустороннему миру из-за его не оборванной пока еще сакральной связи с темным материнским лоном, в результате чего он до момента своего взросления находится как бы «под юбкой» у матери.

Если же мы разберем слово Θάνατος (Танатос, Танат, Фанат) на части, то обнаружим подозрительную связь отсутствующего в греческом языке элемента Θάνα(α) с др.-гр. ὦ τάν! – дружок! милый! и τανα- – высокий, длинный, распущенный, в то время как элемент ἄτος

соответствует др.-гр. ἄτος — не могущий насытиться, а начальное ὦ в выражении ὦ táv! может соответствовать ὦ! - о! или ὦ — он, что, в общем, может являться описанием самца-производителя.

Да и лат. fānāticus — одержимость божеством может указывать на страстное поклонение мужчины своей богине-женщине или наоборот, что в своей основе означало поклонение плодородию, связанному с появлением потомства (санскр. tana).

При этом значение смерти в слове Танатос может быть изначально связано с процессом разрыва с детством и отделением от родителей, а также с уходом выходящей замуж девушки из круга своих подруг, когда она как бы запирается в доме молодого мужа-Танатоса, как умерший для мира человек «запирается» в могиле или склепе.

Стоит обратить внимание и на то, что др.-гр. элемент τῶς, фонетически схожий с τος, может соответствовать элементам τό, τῷ со значениями «он, этот, тот», которые тождественны укр. це — это или схожему по смыслу, но с оттенком сомнения, церковно-слав. ци — ужели.

Ну и в заключение можно указать на марийск. имя Танат, которое трактуется как «наступающее утро или заря», что ассоциативно указывает на раннюю молодость, которой свойственно тесное общение между полами, соответствующее моменту общению светлого дня и темной ночи.

Причем для получения права на такое тесное общение, итогом которого были многочисленные свадьбы, молодежь когда-то проходила серьезные инициации, чем-то похожие на современную службу в армии, во время которых происходило обучение всему тому, что могло пригодиться в ее дальнейшей жизни во взрослом обществе.

Исходя из этого становится понятной связь русского слова «пора́» - время, благоприятное для какой-нибудь деятельности, сила, мочь с фонетически и образно схожими бенг. словами порá — учить, изучать и порá — падать, ронять, невозделанный, необработанный, указывающими на время посева необходимого знания в головы новых адептов, которое по своей сути сродни семенам, посеянными в поле, и семенам, посеянными в женское лоно, когда приходит пора самостоятельно сеять хлеб, предварительно познав женщину.

На это указывает русск. диалектное слово с сексуальным оттенком по́ра - дыра в стенке отработанного забоя, образованная выпавшими камнями и комями грунта, жердь, палка, подпорка, которому понадобился перенос ударения, чтобы отделить его ассоциативные значения от значений слова «пора́» - время, благоприятное для какой-нибудь деятельности.

Естественно, что такая пора человеческого возраста, когда выросшая в непростых условиях и поэтому крепкая мужская особь (парень) должна была искать себе пару и создавать семью, отличалась максимальным притоком жизненных сил, в том числе и сексуальных, что находит свое отражение в словах пар (пар) – оперяться, мужать, становиться на ноги и рог (пор) – полный, наполненный, обладающий в высшей степени каким-либо качеством из языка дари.

Элементы этого древнейшего человеческого мировоззрения проникли даже на мелкие острова Микронезии, где местный язык kusaiean зафиксировал слово paɣuɪhk — жениться, выйти замуж, которое подкреплено ассоциативными словами paɣti — заложить основу, paɣt — давить, толкать, продвигать, натягивать, вытягивать и paɣs — гладить, ласкать, хлопать, промокнуть, краник, ответвление, а также paɣ — подстилка, кочерыжка, стержень, paɣl — любитель, почитатель, поклонник и paɣraɣ — поклонник, отец (в данном случае наклоняющийся над женщиной), при том что русск. слова «натягивать» и «подстилка» в сленговом варианте имеют ярко выраженный сексуальный подтекст.

В этом языке есть даже слово roɣok - разоренный, без денег, без гроша в кармане, значения которого по ассоциации можно отнести к любому транжиру,- в том числе и к любвеобильному человеку-бабнику, безрассудно тратящему на женщин не только деньги, но и свои немалые сексуальные силы.

Литература

András Rajki Arabic dictionary [with etymologies]

Ferdinand Holthausen Altenglisches Etymologisches Wörterbuch

Wright, J. The English dialect dictionary

Апресян Ю.Д. (ред.) Новый Большой англо-русский словарь

Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов

Muss-Arnolt W. A concise dictionary of the Assyrian language

Christopher Ehret Reconstructing Proto-Afroasiatic (Proto-Afrasian)
 Roberto Serrano eta Elena Aparicio Баскско-русский/русско-баскский словарь
 Литтон Д., Гагинский В.А. Карманный бенгальско-русский словарь
 Dicionario biblico Strong
 Ibrahim Cedic (ред.) Rječnik bosanskog jezika
 Гальди Л. (ред.) Венгерско-русский словарь
 Географические названия мира: Топонимический словарь
 Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь
 Хоригов И.П. Новогреческо-русский словарь
 Киселева Л.Н., Миколайчик В.И. Дари-русский словарь
 Новакович А.С. (ред.) Большой датско-русский словарь
 İsrail Benyakar Türkçe İbranice - İbranice Türkçe sözlük
 Duden Jiddisches Wörterbuch
 A complete Hebrew and English critical and pronouncing dictionary
 Ионеску Л. Еврейско-румынский словарь для студентов (библейский еврейский язык)
 Лукашевич П. Корнеслов еврейского языка
 Turner R.L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages
 George Grierson A Dictionary of the Kashmiri language
 Kedutso Kapfo Khezha Naga- English dictionary
 Ñancharisqa Simikuna Qhichwa Suyup Simi Pirwan Diccionario de la Nación Quechua
 Herrero J., Lozada, de, F.S. Diccionario Quechua
 Antonio Cusihuaman G. Diccionario quechua Cuzco-Collao
 Курдоев К.К. Курдско-русский словарь
 Donald M. Topping (ред.) Kusaiean-English Dictionary
 Морев Л.Н. и др. Лаосско-русский словарь
 Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь
 Pt. Govind Jha Maithili-English Dictionary
 Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь
 Norman Jerry A comprehensive manchu-english dictionary
 Черных С.Я. Словарь марийских личных имен
 А. Лувсандэндэв Монгольско-русский словарь
 Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских языков
 Буркова С.И. и др. Диалектологический словарь ненецкого языка
 Рабинович И.С. (ред.) Непальско-русский словарь
 Van den Baar A.H. Groot Nederlands-Russisch Woordenboek
 Берков В. Новый большой норвежско-русский словарь
 Kanar M. Büyük farsça-türkçe sözlük
 Иванов В.Б. Большой персидско-русский словарь
 Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь
 Гафуров А. Имя и история об именах арабов, персов, таджиков и тюрок
 Д. Гессен, Р. Стыпула Большой польско-русский словарь
 Словарь русских народных говоров
 Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго
 Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири
 Monier-Williams M. Sanskrit-English Dictionary
 Быконя В.В. и др. Селькупско-русский диалектный словарь
 +Kollár D., Grigorjanová T. Словацко русский словарь
 Сагаутдинов Ш.Ш. Татарские имена
 Этимологический словарь тунгусских языков
 James William Redhouse A Turkish And English Lexicon
 Баскаков Н.А. Турецко-русский словарь
 Старостин С. Словарь пратюркского языка (проект Вавилонская башня)
 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий
 Вершинин В.И. Этимологии удмуртских слов
 Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь
 Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь
 Полный французский и российский лексикон
 Ганшина К. Французско-русский словарь
 Argot français classique
 Глушак В.М. Хантыйско-русский словарь (сургутский диалект)

Волкова А.Н., Соловар В.Н. Краткий русско-хантыйский словарь
Нозадзе Н. Лексика хурритского языка
Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка
Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь
Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь
Aydın Nafiz Büyükc Sümerce sözlük
Эстонско-русский словарь в 5 томах
Мельниченко Г.Г. Ярославский областной словарь